

Перипетии глобализации: от универсализма к утрате самости

The peripeteia of globalization: from universalism to the loss of selfhood

Бекбоев А.А.

Д-р филос. наук, профессор, заведующий сектором, «Институт философии имени академика А.А. Алтмышбаева Национальной академии наук при Президенте Кыргызской Республики», Кыргызская Республика, г. Бишкек
e-mail: askar.a.bekboev@gmail.com

Bekboev A.A.

Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Head of the Sector, Institute of Philosophy named after academician AA Altmyshbaeva of the National Academy of Sciences under the President of the Kyrgyz Republic, Kyrgyz Republic, g. Bishkek
e-mail: askar.a.bekboev@gmail.com

Карабукаев К.Ш.

Д-р филос. наук, главный научный сотрудник, «Институт философии имени академика А.А. Алтмышбаева Национальной академии наук при Президенте Кыргызской Республики», Кыргызская Республика, г. Бишкек
e-mail: kkarabukaev@gmail.com

Karabukaev K.Sh.

Doctor of Philosophy Sciences, Chief Researcher, Institute of Philosophy named after academician AA Altmyshbaeva of the National Academy of Sciences under the President of the Kyrgyz Republic, Kyrgyz Republic, g. Bishkek
e-mail: kkarabukaev@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена философско-антропологическому анализу глобализации как процесса, трансформирующего основания идентичности и культурной памяти. Исследование исходит из тезиса, что современная глобализация действует преимущественно не через прямое культурное подавление, а через стандартизацию повседневных практик и алгоритмическую организацию поведения, формируя режим культурной нейтрализации. Показано, что универсализм поздней глобальной модерности всё чаще выступает не гуманистическим идеалом, а инструментом гомогенизации: локальные традиции утрачивают символическую плотность, а субъективность редуцируется до функционального профиля, пригодного для прогнозирования и управляемого воздействия. Особое внимание уделено понятию «генетической памяти», используемому в культурно-философском (метафорическом) смысле как обозначение устойчивых схем восприятия, чувствования и мышления, транслируемых через язык, ритуалы и историческую преемственность. Выявляется тенденция к девитализации субъекта: экзистенциально насыщенный опыт уступает место интерфейсным сценариям, а критическая рефлексия — реактивным поведенческим паттернам. В хайдеггеровской перспективе данный сдвиг интерпретируется как модус забвения бытия, при котором человек становится компонентом управляемой системы. Делается вывод о необходимости философской ответственности, возвращения к культурной памяти и укрепления практик критического мышления как условий сохранения самости в глобализованном мире.

Ключевые слова: глобализация, универсализм, унификация, идентичность, культурная память, генетическая память, цифровизация, алгоритмизация, функционализация субъекта, девитализация, культурная автономия, забвение бытия.

Abstract

This article offers a philosophical-anthropological analysis of globalization as a process that transforms the foundations of identity and cultural memory. It argues that contemporary globalization operates less through direct cultural oppression than through the standardization of everyday practices and the algorithmic organization of behavior, thus producing a regime of cultural neutralization. The study shows that late-modern universalism increasingly functions not as a humanistic ideal but as an instrument of homogenization: local traditions lose symbolic density, while subjectivity is reduced to a functional profile suitable for prediction and governance. Special attention is given to the notion of “genetic memory,” used here in a cultural-philosophical (metaphorical) sense to describe stable patterns of perception, feeling, and thinking transmitted through language, ritual, and historical continuity. The analysis reveals a tendency toward the devitalization of the subject: existentially rich experience gives way to interface-driven scenarios, and critical reflection is replaced by reactive behavioral patterns. In a Heideggerian perspective, this shift is interpreted as a mode of the oblivion of Being in which the human becomes a manageable component of a system. The article concludes by emphasizing the necessity of philosophical responsibility, a return to cultural memory, and the strengthening of critical thinking as conditions for preserving selfhood in a globalized world.

Keywords: globalization, universalism, unification, identity, cultural memory, genetic memory, digitalization, algorithmization, functionalization of the subject, devitalization, cultural autonomy, oblivion of Being.

Введение

На протяжении последних десятилетий глобализация рассматривалась как процесс, углубляющий взаимосвязи между государствами, культурами и индивидами. В её дискурсивном оформлении доминировали образы свободы, открытых границ, межкультурного диалога и технического прогресса. Формировалась риторика всеобщего сближения и «мира без границ», в котором информационно-коммуникационные технологии выступают инструментами интеграции человечества в единую глобальную сеть [6, С.112].

Экономическая либерализация, цифровизация и экспансия транснациональных корпораций были представлены в качестве неотъемлемых характеристик новой исторической эпохи, где локальное и глобальное взаимодействуют в диалектической связке. Предполагалось, что культурное многообразие не исчезнет, а, напротив, будет гармонично интегрировано в широкую матрицу «глобальной деревни», в которой различия сохраняются в качестве источников взаимного обогащения [2].

Однако за фасадом технологического удобства и экономической интеграции скрываются процессы, затрагивающие фундаментальные основания человеческого бытия. Унификация норм, ценностей, потребительских моделей и форм идентичности всё чаще приводит не к развитию поликультурного диалога, а к гомогенизации, влекущей утрату субъектом своей экзистенциальной, культурной и исторической укоренённости. Глобализация в этом контексте предстает не только как экономико-политический феномен, но как глубокий антропологический вызов — вызов самому понятию человека, его способности к самоопределению, к сохранению памяти, к внутреннему сопротивлению и к бытийной глубине.

В этой связи задача настоящего исследования состоит в том, чтобы рассмотреть глобализацию не в её утопическом или технократическом измерении, а как процесс, сопряжённый с утратой культурной и онтологической самости человека. Речь идёт о постепенном размывании границ между личностным и функциональным, между индивидуальностью и алгоритмически запрограммированной нормой. Такая перспектива требует философской рефлексии, историко-культурного анализа и критического осмысления

тех механизмов, посредством которых глобальный порядок подменяет бытийную укоренённость человека цифровой стандартизацией его поведения, восприятия и самосознания.

1. Унификация как подмена многообразия

Исторически универсализм ассоциировался с идеей разума, человеческого достоинства и моральной общезначимости. В эпоху Просвещения универсальные принципы мыслились как средство преодоления локальных ограничений, как возможность выхода за пределы племенной замкнутости и конфессиональной разобщённости. Универсальность понималась не как стирание различий, а как их включение в более широкий горизонт рационального диалога. Она предполагала, что за культурным разнообразием стоит общая человеческая природа, способная к разуму и свободе [1, С.136].

Таким образом, классический универсализм был направлен на углубление человеческой автономии. Он расширял пространство свободы, не уничтожая при этом историческую и культурную конкретность. Локальное и универсальное находились в диалектическом напряжении: различие не отменялось, но обретало смысл в контексте общего человеческого измерения.

Современная глобализация радикально переопределяет эту логику. Универсализм перестаёт быть нормативным идеалом и превращается в технологическую инфраструктуру. Его содержание смещается с уровня ценностного и философского на уровень операционального и технического. Универсальность больше не означает признание достоинства человека — она означает совместимость форматов, синхронизацию протоколов, унификацию интерфейсов.

Если просветительская универсальность стремилась раскрыть потенциал личности, то поздняя глобальная универсальность стремится обеспечить управляемость процессов. Она формирует единое поле стандартизированных процедур, в котором различие допустимо лишь как вариативность внутри общего алгоритма.

Глобальные цифровые платформы становятся не просто инструментами коммуникации, но архитектурой поведения. Они создают единый поведенческий каркас, задающий ритм внимания, способы выражения эмоций, формы самопрезентации. Различия между культурами, стилями, мировоззрениями сохраняются на уровне поверхностных маркеров, однако глубинная структура действия оказывается общей.

Индивидуальность в этом пространстве превращается в конфигурацию параметров. Она настраивается, модифицируется, оптимизируется — но не определяет структурную логику среды. Среда предшествует субъекту и формирует его возможности. В этом смысле универсальность становится не пространством свободы, а режимом форматирования.

Унификация действует мягко, без открытого подавления. Она не разрушает традиции прямым насилием, а переводит их в декоративный регистр. Национальные символы, языковые особенности, обрядовые формы сохраняются как элементы культурного дизайна, но утрачивают онтологическую глубину. Они становятся контентом — объектом потребления, а не источником смыслового укоренения.

Культурные коды лишаются своей экзистенциальной функции. Они больше не структурируют жизненный мир субъекта, а выступают элементами символического репертуара. Возникает феномен культурной нейтрализации: форма сохраняется, но её внутренняя связность с исторической памятью и коллективным опытом ослабевает.

В этом процессе субъект постепенно редуцируется к универсальному пользователю — клиенту, зрителю, носителю данных. Его идентичность перестаёт быть исторической и становится функциональной. Она определяется не принадлежностью к традиции, не включённостью в преемственность поколений, а активностью в системе: частотой взаимодействий, поведенческими паттернами, цифровым следом.

Если в классической антропологии субъект формировался через приобщение к языку, этике, символической и общинному опыту, то в условиях глобальной платформенной среды он

формируется через интерфейс. Его социальность определяется алгоритмическими рекомендациями, а его культурная видимость — правилами модерации и рейтингами вовлеченности.

Ульрих Бек отмечал, что модерность производит риски, порождаемые самой структурой общества [3]. Сегодня этот риск приобретает антропологический характер. Под угрозой оказывается не только стабильность социальных институтов, но сама способность субъекта к автономному самоопределению. Унификация затрагивает внутреннюю структуру сознания: она формирует привычку мыслить в рамках готовых сценариев, действовать в пределах предложенных опций, оценивать себя через внешние метрики.

Парадокс состоит в том, что разнообразие не исчезает полностью. Напротив, визуально мир кажется более пёстрым, более насыщенным культурными знаками. Однако это разнообразие лишается глубины. Множественность превращается в вариативность одного и того же. Различия существуют, но они не обладают онтологической самостоятельностью — они встроены в единую сетевую логику.

Глобальное многообразие становится симуляцией, скрывающей структурную гомогенизацию. За внешней мозаикой культурных форм просматривается единый режим рационализации: оптимизация, стандартизация, прогнозируемость. Унификация проявляется не как уничтожение различий, а как их переработка в управляемый спектр допустимых вариантов.

Таким образом, глобализация объединяет мир, но делает это через выстраивание универсальной сетевой логики, в которой формируется новый тип субъекта — адаптивный, гибкий, предсказуемый. Он способен быстро перестраиваться, но его внутренняя устойчивость ослабевает. Его идентичность становится мобильной, но теряет глубину укоренённости.

За эффективностью и технологической связностью скрывается уязвимость: постепенная утрата экзистенциальной плотности человеческого опыта. Там, где различие перестает быть судьбой и становится функцией, возникает риск десубстанциализации культуры. Унификация, провозглашаемая как условие глобального единства, может обернуться утратой той внутренней многомерности, которая делает человека не только участником системы, но носителем смысла.

2. Генетическая память как основа идентичности

Понятие генетической памяти, рассматриваемое в широком культурно-философском контексте, выходит далеко за пределы биологически редуцированных трактовок и требует осторожного методологического уточнения. В настоящем исследовании оно используется не в биологическом, а в метафорическом и символическом смысле — как обозначение глубинной историко-культурной преемственности, посредством которой коллективный опыт продолжает себя в поколениях.

Речь идёт не о передаче генетической информации в узком научном смысле, а о сохранении устойчивых форм восприятия, чувствования и мышления, укоренённых в историческом опыте конкретного сообщества. Эти формы не кодируются хромосомами — они закрепляются в языке, мифе, ритуале, архитектуре, в организации пространства и времени, в повседневных жестах и интонациях. Они передаются через практики воспитания, через нарративы, через символические структуры, в которых исторический опыт обретает форму и продолжительность.

Генетическая память в этом контексте может быть осмыслена как разновидность коллективно-исторического бессознательного — не в психоаналитическом, а в культурно-онтологическом смысле. Это тот слой опыта, который предшествует рефлексии, но определяет её направление. Он формирует базовые интуиции о мире, о добре и зле, о должном и недолжном, о времени и судьбе.

Именно в этом измерении память становится основанием идентичности. Она не только хранит прошлое — она структурирует настоящее. Она задаёт ритм речи, формирует телесную

выразительность, определяет чувство меры, границы дозволенного, образ будущего. В родном языке человек не просто общается — он мыслит; в традиции он не просто участвует — он существует.

Память проявляется в специфическом чувстве времени: одни культуры переживают время как линейное движение вперёд, другие — как циклическое возвращение. Она проявляется в пространственном восприятии: земля — не просто географический объект, а онтологический топос, место принадлежности.

В этом смысле «дом» перестаёт быть утилитарным пространством проживания и становится экзистенциальной сценой укоренённости. Он хранит не вещи, а смыслы. Он связывает поколение с поколением. Он делает человека не просто жителем территории, а носителем исторической длительности.

С разрушением этих форм укоренённости происходит радикальное ослабление идентификационных связей. Глобализационные процессы, сопряжённые с медиатизацией и цифровизацией, переводят память в режим хранения данных. Историческое переживание замещается архивированием, традиция — контентом, наследие — информационным ресурсом.

Пьер Нора указывал, что современность утрачивает «среду памяти» и вынуждена создавать искусственные «места памяти» — музеи, архивы, памятные даты, которые компенсируют исчезновение живой традиции. Память перестаёт быть тканью повседневности и становится объектом управления. Она сохраняется формально, но утрачивает экзистенциальную непрерывность [9].

В условиях цифровой среды память подвергается дальнейшей трансформации. Она фрагментируется, алгоритмизируется, включается в логики сортировки и рекомендаций. Историческое событие становится кликабельным элементом ленты, культурный символ — частью маркетингового образа, традиция — визуальным брендом.

Человек оказывается включённым не в историко-культурный ритм своего сообщества, а в поток дигитальных симуляций. Принадлежность подменяется лояльностью к платформе, наследие — меметической повторяемостью, коллективная память — трендом.

Так формируется состояние, которое можно обозначить как культурное беспамятство. Это не полное исчезновение памяти, а её десемантизация — утрата глубинной связности. Субъект теряет способность соотносить себя с исторической длительностью. Он живёт в режиме постоянного обновления, но без осознания преемственности.

Утрата памяти ведёт к экзистенциальной дезориентации. Лишённый исторической укоренённости, человек оказывается «везде и нигде». Он включён в глобальную цифровую экосистему, но лишён устойчивого основания. Он информирован, но не укоренён. Он связан, но не принадлежит.

Эта трансформация означает эрозию символического порядка. Знаки утрачивают связующую и нормативную функцию. Они больше не формируют мир — они циркулируют в нём. Индивид оказывается в пространстве знаков, не соотносящихся с его телесно-исторической принадлежностью. Он существует в режиме информационного избыточества, но не в режиме осмысленного присутствия.

Можно сказать, что происходит разрыв между памятью как хранилищем данных и памятью как продолжением бытия. Первая может быть бесконечно расширена технически. Вторая требует укоренённости, длительности, внутреннего переживания.

В конечном итоге утрата генетической памяти подрывает не только культурную преемственность, но и саму структуру идентичности как экзистенциального основания. Без памяти невозможна связность опыта. Без связности — невозможна целостность личности. А без целостности — невозможна подлинная субъектность.

Память — это не архив, а способ быть во времени. Она позволяет субъекту ощущать себя не случайным эпизодом, а продолжением исторической линии. Именно через память человек входит в историю не как статистическая единица, а как носитель смысла.

Поэтому вопрос о сохранении культурной памяти — это не ностальгия и не консервативный жест. Это стратегический философский вопрос о будущем субъектности. Будущее не может быть построено исключительно на функциональных алгоритмах. Оно требует смысловой преемственности.

Там, где исчезает память, исчезает субъект истории. А там, где исчезает субъект, история превращается в набор данных, а культура — в медиафайл. Сохранение памяти — это сохранение глубины человеческого бытия.

3. От субъектности к функциональности

В эпоху глобализации и цифрового ускорения человек всё более глубоко включается в сложную систему технологических, потребительских и информационных процессов, в рамках которых его онтологический статус претерпевает качественную трансформацию [4]. Речь идёт не просто о смене социальных ролей или изменении форм занятости — трансформируется само понимание того, что значит быть субъектом.

Классическая философская традиция рассматривала субъекта как автономную инстанцию, способную к саморефлексии, к моральному выбору, к осмыслению собственного бытия. Субъект был не просто носителем функций, но центром смыслополагания. Его идентичность формировалась через внутреннюю работу сознания, через историческую преемственность, через укоренённость в культурной памяти.

В условиях цифровой глобальности этот образ постепенно смещается. Человек всё чаще оказывается включённым в технологические экосистемы, где его активность фиксируется, анализируется и предсказывается. Он становится частью сложной матрицы данных, в которой каждое действие оставляет след, каждое предпочтение превращается в параметр, каждая реакция — в измеряемый сигнал.

Современные алгоритмы машинного обучения, цифровые платформы и поведенческие интерфейсы формируют новую форму «цифровой субъектности». В этом режиме индивидуальность редуцируется до совокупности оцифрованных следов: поисковых запросов, лайков, транзакций, маршрутов перемещения, эмоциональных реакций. Эти данные складываются в статистически обоснованный профиль — функциональное представление о человеке, пригодное для прогнозирования и управляемого воздействия [13].

Субъектность в таком контексте перестаёт быть внутренне проживаемым опытом и становится внешне сконструированной функцией. Она существует в виде модели — алгоритмического двойника, который не просто отражает поведение индивида, но начинает его предвосхищать и направлять.

Возникает принципиально новая конфигурация: не субъект формирует пространство, а пространство конфигурирует субъекта. Цифровая среда не является нейтральной — она задаёт рамки восприятия, структурирует внимание, предлагает сценарии выбора. Человек действует в пределах заранее организованного поля возможностей, которые воспринимаются как свобода, но фактически являются управляемыми опциями.

Подмена субъектности функциональностью особенно заметна в повседневной жизни. Человек перестаёт воспринимать себя как носителя уникального жизненного пути и начинает действовать как элемент интерфейса. Его решения всё чаще принимаются в условиях мягкого алгоритмического сопровождения: рекомендательные системы подбирают контент, навигационные сервисы оптимизируют маршруты, цифровые ассистенты формируют расписание.

Каждый акт выбора включается в самовоспроизводящийся цикл: действие фиксируется, анализируется, на его основе строится прогноз, который затем влияет на последующие действия. Этот цикл создаёт эффект постепенной конфигурации поведения. Индивид остаётся формально свободным, но его свобода всё чаще реализуется в пределах оптимизированного коридора.

Особую тревогу вызывает трансформация внутреннего опыта. Эмоции, страхи, симпатии и привязанности начинают интерпретироваться как данные, пригодные для

обработки и коммерциализации. Технологии распознавания аффекта и поведенческой аналитики переводят субъективное переживание в язык параметров, а управляемость становится скрытой нормой эмоционального существования [11].

Аутентичные состояния — любовь, тревога, одиночество — становятся объектами алгоритмической обработки. Они измеряются, классифицируются, прогнозируются. Человек начинает переживать себя через модель — через то, как его чувства интерпретируются системой. В этом смысле субъективность становится симулятивной: она воспроизводится по заданным сценариям и вписывается в ожидаемые паттерны.

Глобализация, сопряжённая с технологической революцией, изменяет не только социальные структуры, но и философское понимание человека. Если в классической культуре субъект мыслился как вопрошающий, сомневающийся, способный к внутреннему сопротивлению, то в условиях цифрового капитализма он всё чаще рассматривается как объект управления и оптимизации [3, С.155].

Способность к саморефлексии постепенно уступает место способности к быстрой адаптации. Глубина мышления заменяется скоростью реакции. Пауза, созерцание, сомнение — оказываются неэффективными в логике ускоренного информационного потока.

Эта подмена имеет онтологический характер. Мы всё чаще выступаем не как субъекты собственного опыта, а как элементы системы, реагирующие на внешние стимулы. Привычка мыслить вытесняется привычкой отвечать. Этическая автономия уступает место функциональной эффективности. Уникальность стандартизируется в соответствии с требованиями интерфейса.

Человеческое достоинство, понимаемое как внутренняя свобода и способность к смыслополаганию, начинает восприниматься как нефункциональный избыток. Оно не укладывается в модель предсказуемости и управляемости. В логике алгоритмической рациональности ценится не глубина, а корректность отклика; не самостоятельность, а согласованность с системой.

Следовательно, речь идёт не просто об изменении форм идентичности, но о трансформации самой онтологической структуры человека. В условиях сетевого общества формируется новый тип функционального субъекта — гибкого, мобильного, быстро адаптирующегося, но лишённого устойчивых внутренних оснований.

Это субъект, у которого постепенно отнимается право на медленное мышление. Время становится ресурсом, подлежащим оптимизации. Созерцание воспринимается как неэффективность, сомнение — как задержка, размышление — как избыточность. Взамен предлагаются мгновенные решения, автоматизированные рекомендации, алгоритмически выстроенные пути наименьшего сопротивления.

Функционализация постепенно охватывает не только действия, но и самосознание. Человек начинает оценивать себя через показатели продуктивности, вовлечённости, эффективности. Его самоощущение соотносится с внешними метриками. Внутреннее измерение бытия уступает место количественной оценке.

Таким образом, мы сталкиваемся с феноменом десубстанциализации субъекта — утраты его глубинного основания. Субъект остаётся активным, но перестаёт быть укоренённым. Он действует, но не вопрошает. Он производит реакции, но утрачивает способность к внутреннему сопротивлению.

Эта трансформация требует критического философского анализа. Если движение к тотальной функционализации продолжится, человечество рискует утратить не только культурную традицию, но и само понятие человека как мыслящего существа, способного к свободе и смыслу.

Сохранение субъектности в условиях функционального давления становится не частной задачей, а вызовом всей философской антропологии. Речь идёт о защите не просто культурного наследия, а самой возможности внутреннего бытия.

4. Забвение бытия: философский ракурс

Один из самых тревожных диагнозов современности был поставлен Мартином Хайдеггером, для которого главная опасность технической эпохи заключалась не в самой технике как совокупности средств, а в изменении способа раскрытия сущего. В лекции «Вопрос о технике» он подчёркивал, что техника — это не просто инструмент, а определённый способ отношения к миру, определённый модус раскрытия бытия [См.: 12]. В условиях господства техники мир начинает восприниматься как стоящий в наличии ресурс, как запас, подлежащий извлечению, оптимизации и контролю.

Хайдеггер обозначил этот способ раскрытия термином *Gestell* — «постав», «распоряжение», «обрамление». В режиме *Gestell* человек и мир оказываются включёнными в единую систему расчёта. Сущее предстает как нечто, что должно быть приведено в доступное состояние, измерено, классифицировано, поставлено на службу. Опасность, по Хайдеггеру, состоит в том, что при таком способе раскрытия забывается сам вопрос о бытии.

Бытие перестаёт переживаться как тайна, как событие, как призыв к вниманию. Оно замещается функцией. Переживание уступает место расчёту, мысль — эффективности, присутствие — управляемости. Человек оказывается не только «пастухом бытия», но и участником его забвения, поскольку принимает технический способ раскрытия как единственно возможный.

Современная цифровая эпоха усиливает эту тенденцию. Технизация мышления приобретает алгоритмический характер. Если индустриальная модерность рационализировала производство, то цифровая модерность рационализирует внимание, эмоции и коммуникацию. Человеческий опыт включается в логику данных, где всё подлежит количественной оценке и прогнозированию.

Современная культура, ориентированная на KPI, производительность и метрики эффективности, вытесняет всё, что не поддаётся немедленной операционализации. Пространства внутренней жизни — медленное мышление, созерцание, сомнение, молчание — становятся маргинальными. Они не вписываются в режим ускорения и не производят измеримого результата [10, с. 155].

Эстетическое, этическое и экзистенциальное измерения постепенно вытесняются полезным, адаптивным и функциональным. Это не прямое уничтожение духовности — это её редукция к прикладной полезности. Искусство оценивается по охвату, философия — по цитируемости, образование — по конкурентоспособности. Таким образом, бытие переводится в регистр измеримого присутствия.

Подлинные переживания — страдание, любовь, верность, одиночество, смерть — не исчезают, но трансформируются. Они адаптируются к интерфейсным паттернам. Любовь становится сетевой связью; страдание — психологическим показателем, подлежащим корректировке; смерть — статистической величиной.

Эмоциональность переводится в язык параметров. Человеческий опыт начинает переживаться через экран, через медиопосредство. Это не просто медиатизация — это изменение самого способа быть. Человек всё чаще переживает не непосредственное присутствие, а его цифровой эквивалент.

В этом контексте забвение бытия означает утрату способности к онтологическому различению — различению между жизнью как биологическим процессом и существованием как смысловым событием. Цифровая эпоха предоставляет беспрецедентные возможности, но лишает их глубины. Всё становится доступным, но ничто не становится значимым.

Память также подвергается технизации. Архивы расширяются, облачные хранилища накапливают гигантские массивы данных, историческая информация становится мгновенно доступной. Однако доступность не равна присутствию.

Память как архив — это фиксация фактов. Память как бытийная связь — это переживание исторической преемственности. Цифровой архив хранит данные, но не передаёт историчность. Он обеспечивает сохранность, но не укоренённость.

В результате возникает человек, который знает больше, но понимает меньше; который вспоминает чаще, но помнит глубже реже. Он действует, но не вопрошает. Он реагирует, но не созидает. Он включён в поток транзакций, но утрачивает способность к внутреннему присутствию.

Забвение бытия в цифровую эпоху принимает форму тотальной занятости. Постоянная включённость в информационный поток создаёт иллюзию полноты жизни, однако лишает её глубины. Возникает состояние постоянного возбуждения без осмысленного направления. Отсюда — тревожность, усталость, ощущение внутренней пустоты.

В философском плане это означает смещение центра тяжести от бытия к наличию. Человек оценивает себя через видимость, через количественные показатели, через статус в системе. Он существует в режиме постоянной экспозиции, но теряет интимность бытийного переживания.

Забвение бытия ведёт к утрате самости. Самость предполагает внутреннее измерение, способность быть в мире не только как функция, но как присутствие. Когда бытие заменяется функцией, человек превращается в элемент сети — в профиль, в статистическую единицу, в точку данных.

Это уже не просто культурная трансформация, а онтологический сдвиг. Человек перестаёт воспринимать себя как существо, для которого бытие — вопрос. Он начинает воспринимать себя как проект, подлежащий оптимизации.

В этом заключается глубинная опасность: не разрушение внешних структур, а изменение самого способа раскрытия мира. Когда мир воспринимается исключительно как ресурс, а человек — как управляемый элемент, исчезает пространство для вопрошания.

Философия в этих условиях приобретает особую роль. Она возвращает вопрос о бытии туда, где господствует расчёт. Она напоминает, что человек — это не только носитель функций, но и существо, способное к удивлению, к сомнению, к внутреннему сопротивлению.

Забвение бытия — это не метафора, а характеристика эпохи, в которой количественное вытесняет качественное, а измеримое — осмысленное. И если этот процесс останется некритически принятым, утрата самости станет не частным симптомом, а структурным состоянием культуры.

В этом смысле борьба за память, за медленное мышление, за право на паузу и сомнение — это не ностальгический жест, а онтологическая необходимость. Сохранить способность чувствовать бытие — значит сохранить человека.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что глобализация в её современной конфигурации выступает не только как экономико-политический процесс или технологическая интеграция, но как глубинная антропологическая трансформация. За риторикой открытости, инклюзивности и межкультурного диалога обнаруживается структурная тенденция к нивелированию различий, к редукции культурной и онтологической многозначности в пользу универсальных алгоритмов и управляемых форм поведения.

Унификация, цифровизация и функционализация субъекта образуют единый комплекс, в рамках которого человек постепенно утрачивает экзистенциальную плотность собственного опыта. Идентичность смещается от исторической укоренённости к сетевой активности; память — от живого присутствия к архивной фиксации; субъектность — от автономии к адаптивной функциональности.

Таким образом, глобализация в её технократическом измерении ведёт не столько к расширению горизонтов, сколько к их выравниванию. Многообразие сохраняется на уровне форм, но утрачивает глубину. Культурные различия становятся стилистическими вариациями внутри единой логики системы. Возникает парадоксальная ситуация: мир становится взаимосвязанным, но одновременно — смыслово обеднённым.

Тем не менее данный процесс не носит фатально предопределённого характера. Он содержит в себе пространство выбора. Перед современным человечеством стоит альтернатива:

либо окончательное растворение в логике функциональной эффективности, либо критическое переосмысление направлений развития, возвращение к измерению бытия, к памяти, к рефлексии.

Речь не идёт об отказе от технологий или о романтизации прошлого. Противостояние девитализации субъекта не означает архаизации или изоляционизма. Напротив, оно предполагает философскую зрелость — способность интегрировать достижения современности, не утрачивая онтологического измерения человеческого существования.

Сохранение культурной памяти, поддержание исторической преемственности и развитие критического мышления становятся не частными задачами гуманитарной сферы, а стратегическим условием устойчивости самой цивилизации. Там, где исчезает память, разрушается связность опыта; где разрушается связность — исчезает смысл; где исчезает смысл — размывается субъектность.

В этом контексте философия вновь обретает фундаментальную роль. Она возвращает вопрос о бытии в пространство, где господствует расчёт; она напоминает о различии между наличием и существованием, между функционированием и смысловым присутствием. В условиях цифровой стандартизации именно способность к вопрошанию становится формой внутреннего сопротивления.

Человеческое проявляется не в скорости адаптации и не в степени алгоритмической интеграции, а в способности удерживать смысловую глубину, различать, помнить и мыслить. Смысл не может быть полностью произведён системой; он рождается в диалоге — с историей, с культурой, с иным и с самим собой.

Возвращение к себе — это не бегство от глобального мира, а акт свободы внутри него. Это восстановление внутреннего измерения, в котором человек перестаёт быть исключительно функцией и вновь становится субъектом бытийного опыта.

Отсюда, в эпоху глобальной цифровизации вопрос о бытии и самости приобретает не абстрактно-метафизический, а практико-антропологический характер. От способности сохранить глубину человеческого присутствия зависит не только культурное разнообразие, но и само будущее человека как существа, способного к смыслу.

Именно поэтому возвращение к подлинному вопрошанию о человеке, о памяти, о бытии остаётся не ностальгическим жестом, а последней формой достоинства и внутренней свободы в мире, где всё измеряется, но не всё осмысляется.

Литература

1. Аверинцев С.С. Философия культуры и проблемы глобализации [Текст] / С.С. Аверинцев. - М.: Республика, 1994. - 256 с.
2. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества [Текст] / З. Бауман – М.: Юрист, 2007. — 288 с.
3. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну [Текст] / У. Бек пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
4. Бекбоев А.А. Искусственный интеллект как метафизика: философский подход [Текст] / А.А. Бекбоев, А.А., Имашова, Ч.К. Сооронбаева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2025.- № 7-1 (106). - С. 6–12. — DOI: 10.24412/2500-1000-2025-7-1-6-12.
5. Бекбоев А.А. Искусственный интеллект как «чёрный ящик» разума (историко-философский и эпистемологический подход) [Текст] / А.А. Бекбоев, А.А., Имашова, С.К. Касымов // Известия НАН КР. Илим. - 2025. - № 4. - С. 158 -165.
6. Гидденс Э. Третий путь: обновление социальной демократии. [Текст] / Э. Гидденс. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 1999. - 320 с.
7. Лосев А.Ф. Философия имени [Текст] /А.Ф. Лосев. – М.: Классика, 2002. - 384 с.
8. Мамардашвили М.К. Философия как способ жизни [Текст] / М.К. Мамардашвили. – М.: Республика, 1995. - 400 с.

9. Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти [Текст] / П. Нора // Идентичность в эпоху глобализации / под ред. Д. Шелла. - СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012. - С. 123–128.
10. Соловьёв А.А. Проблемы глобализации: философские и социальные аспекты [Текст] / А.А. Соловьёв. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. - 196 с.
11. Han B.-Ch. Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power. - London: Verso, 2017.- 96 p.
12. Heidegger M. Die Frage nach der Technik // Vorträge und Aufsätze. - Pfullingen: Neske, 1954.- S. 13–44.
13. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. - New York: PublicAffairs, 2019. - 704 p.